

Комм. правда, 1985, 22 янв

Принято считать, что фильмы стареют очень быстро. Подчас ленты прошлых лет воспринимаются лишь как данность времени. Ибо с годами они теряют очарование непосредственности, актуальность мысли, новизну киноязыка. Редко, но бывает и другое. Время оказывается не властным над фильмом. Привоенный ему высокий ранг произведения классического — не просто дань уважения прошлому, но и визитная карточка в будущее. Мы смотрели на одном дыхании Марселя Карне «Дети райка», ко-

Карнавал жизни

О фильме Марселя
Карне «Дети райка»

торый был сделан сорок лет назад. Если бы его дата выпуска не была названа, наверное, никто бы не усомнился, что картина поставлена сегодня.

В этом фильме сплавилось воедино — талант поэта Жака Превера, который написал сценарий, талант режиссера Марселя Карне, талант актеров. И еще время, которое внесло свою интонацию в романтическую историю, рассказанную с экрана. Фильм снимался в годы, когда Франция была захвачена фашистами. Цензура гестапо пристально следила за кинематографом. Никакой политики, никаких иллюзий — чистое развлечение. Авторы фильма взяли вроде бы историю, далекую от современности.

Жан-Луи Барро, знаменитый французский актер, который играет главную роль в фильме, вспоминает: «В Ницце, где на студии Викторин приютилось все французское кино, встречаю Превера и Карне. Они в бешенстве. Продюсер отверг их сценарий. Мы пьем вино на террасе кафе на Английском бульваре... Превер меня спрашивает:

— Нет ли у тебя на примете какого-нибудь сюжета?

— Есть. Было бы интересно снять в звуковом фильме историю мима, противопоставив ему говорящего актера, например, Дебюро — Фредерик Леметр. Защищая жену, Дебюро по неосторожности убил ее обидчика тростью. Весь бульвар Преступлений устремился на процесс — не для того, чтобы увидеть, как

оправдают мима, а чтобы услышать звук его голоса».

Факт, исторический анекдот разбудил фантазию поэта. В фильме будет знаменитый мим Батист Дебюро и прославленный актер Леметр. И бульвар Преступлений, где располагается театр пантомимы, будут влюбленные в свое дело артисты и эффектное убийство в турецкой бане, и, конечно, любовь. Любовь, которая принесет столько страдания и считанные минуты неоглядного счастья.

Батиста играет Жан-Луи Барро. Вот он сидит на площадке перед театром с намалеваным белым лицом. Он призван изображать придурка, чтобы тешить публику, получая свою долю колотушек и пинков. Вот и вся роль, которая пока ему предназначена. Чтобы спасти от бесчестия девушку, он берет себе роль более сложную — мимикой и жестами объясняя происшедшее. Как вознаграждение роза, брошенная прелестной ручкой. И вдруг все переменяется. Батист становится и артистом, и влюбленным.

Фильм называется «Дети райка». Его герои — кумиры демократической публики, которая заполняет ярусы и галерку. Дебюро и Фредерик Леметр составили себе славу прежде всего у тех, кто платил за вход в театр свои жалкие гроши. Помните, как непосредственно реагирует на представление пантомимы публика райка. Высшее счастье актера в том, когда сердце исполнителя и сердце публики бьются одновременно.

В этом фильме авторы открывали и новую эстетику кино. Помните финальные кадры. Сквозь карнавальную толпу пробирается Батист, пытаясь найти свою возлюбленную. Как песчинку, его кидают из стороны в сторону, глупые маски скалятся своими картонными улыбками, десятки штампованных Пьеро загораживают дорогу. Карнавал жизни окручивает своим пестрым неправдоподобием.

В новогодние дни телевидение показало и американскую картину «Интермеццо». Это далеко не лучший фильм конца тридцатых годов. Но в нем играла блистательная актриса Ингрид Бергман. И это было уже интересно. Показ шедевра Карне «Дети райка» радует и обнадеживает. Хотелось бы, чтобы знакомство с зарубежной киноклассикой не было случайным. И то, что это так, нас еще раз убеждает показанный совсем недавно французский фильм «Шербурские зонтики», с прекрасной музыкой Мишеля Леграна.

М. КВАСНЕЦКАЯ.